

пятнадцать лет, пусть едет в страну московитов и живет среди них, как подвижник. . . Он должен упразднить шутки, смех и развязность, ибо московиты подсматривают за всеми денно и ночью сквозь дверные щели».³²

Здесь запрет на смех объясняется внелитературными причинами. Однако смех отвергали также украинские писатели, например учитель Симеона Полоцкого Лазарь Баранович и Иоанниковий Галатювский. Оба они, и в стихах, и в прозе, ссылались на Иисуса Христа, который никогда не смеялся. Только улыбку — отнюдь не смех — допускал в наставлениях пастве Димитрий Ростовский. Поскольку Украина во многом сохраняла церковную и культурную самостоятельность и после воссоединения с Россией, то в этих высказываниях нужно видеть прежде всего эстетический принцип.

При Петре смех стал непременным ингредиентом придворного обихода. Как государь, как светский глава церкви, наконец, как прихожанин Петр был благочестив; он до тонкостей знал церковную службу и любил петь на крылосе. Но как частный человек он веселился среди членов пародийного всешутейшего собора. При его отце и старшем брате ничто подобное не было возможно. Феофан Прокопович, будучи пастырем церкви, порицал образцового проповедника польского барокко Томаша Млодзяновского за комический эффект, который производили его концепты и аппликации. Но в частной жизни Феофан писал шуточные эпитафии, например иеродиакону Адаму, или комический цикл «Благодарение от служителей домовых за солод новомышленный домовому эконому Герасиму». Он не стеснялся пародировать Писание — см. его частное письмо к лекарю Говию.³³

Снятие запрета на смех отражено в одном из самых популярных анекдотов о Петре.³⁴ «Ненавистники, — говорится здесь, — делая разные наветы и клеветы о невоздержном будто житии и о праздности митрополита Стефана Яворского. . . , старались всячески привести сего достойного мужа в немилость. Его величество. . . вознамерился врасплох посетить митрополита. Часу в десятом ночью поехал к нему на подворье и, вошед нечаянно в келию, застал его одного, трудящагося в сочинении книги „Камень веры“, обкладенного кругом богословскими творениями». Дальше рассказывается, что на столе у Стефана стояло несколько бутылок. Петр подозревал, что там вино, и перепробовал изо всех по очереди. Оказалась брусничная вода. «Оставя таким образом митрополита, — продолжает повествователь, — вздума-

³² Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., вып. 2. М., 1897, стр. 101.

³³ Опубликовано в кн.: И. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 629—631.

³⁴ Л. Н. Майков. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891, № 107, стр. 72—74.